

В ТЕАТРЕ СЧАСТЬЯ НЕТ

ДВЕ ФАМИЛИИ ОДНОЙ АКТРИСЫ

Заслуженная артистка России **Изоolda Лидарская** могла бы получить известность под другой фамилией, не менее звучной, отцовской — Керн. Судьба распорядилась иначе.

...Как жалеет сегодня Изоolda Александровна, что не расспрашивала в свое время маму о ее биографии, начале творческой деятельности, о том, где они встретились с отцом, о его корнях. Хотя, на мой взгляд, она знает немало, в том числе благодаря воспоминаниям московской кузины и старым фотографиям, с которых глядят благородные лица представителей родовитой немецкой фамилии. А кто из нас, признайтесь честно, может похвастать тем, что в

Изоolda Лидарская

молодые годы интересовался историей своих предков, и кто не сокрушался об упущенном, когда уже было поздно?!

Матушка Изоолды Лидия Николаевна Лидарская блистала на сцене Оренбургского театра музыкальной комедии, была любима зрителями, но что несла в себе актриса «первого положения», долгие годы не имевшая права ни с кем делиться своей личной драмой? Муж из семьи прусских баронов фон Зейдлиц — враг народа. И бессмысленно, что она знала, каким прекрасным человеком он был, как ценили его, музыканта и композитора, в театрах, где он работал, как много он мог бы дать культуре Оренбурга.

Александр Керн, в 1928 году окончивший симфоническое отделение Киевского музыкально-драматического института, был назначен главным дирижером недавно открывшегося Оренбургского театра музыкальной комедии, писал музыку. Жена работала с ним на одной сцене. Жили они неподалеку от места службы, на частной квартире, на улице, которая до сих пор называется Зименская.

В одном из случившихся еще до перестройки и провозглашенной ею гласности разговоров о сталинской диктатуре, репрессиях и их жертвах Изоolda Лидарская возражала чересчур зарывавшимся, по ее мнению, критикам: «А вот, как хотите, а жили тогда весело!» Однажды ее урезонили: «Изоolda Александровна, как вы можете так говорить? Ведь у вас расстреляли отца».

В начале 90-х Лидарской пришло официальное письмо из «серого дома»: «На Ваше заявление сообщаем, что Ваш отец — Керн Александр Генрихович, 18 ноября 1896 года рождения, уроженец гор. Астрахань, до ареста проживал в г. Оренбурге, ул. Зименская, 14, музыкальный работник театра музыкальной комедии г. Оренбурга.

26 марта 1938 года органами УНКВ Оренбургской области арестован, 31 августа 1938 года по решению НКВД и прокурора СССР осужден по сфальсифицированным матери-

Александр Генрихович Керн

алам якобы за участие в шпионско-диверсионной террористической группе к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 8 сентября 1938 г. в г. Оренбурге. Местом захоронения жертв массовых репрессий 1937–1938 гг. является Зауральная роща г. Оренбурга, которое по решению горисполкома объявлено городским кладбищем. Смерть зарегистрирована в Оренбургском горзгасе, откуда Вы получите свидетельство о его смерти. Ранее сообщенные сведения, что умер в местах заключения, не соответствуют действительности.

25 октября 1957 г. определением военного трибунала Южно-Уральского военного округа Керн А.Г. реабилитирован.

Направляем Вам фото, относящееся ко времени ареста Вашего отца, т. е. 1938 г.»

Маленькая фотография отца 6×4, смотреть на которую без слез невозможно. Особенно если видел другой снимок, на котором он запечатлен аристократичным, артистичным, уверенным в себе. А здесь... Взгляд челове-

Лидия Николаевна Лидарская

ка, осознавшего свою страшную участь, стоящего одной ногой в могиле, а может быть, внутренне уже пережившего смерть...

Парадный портрет Александра Генриховича в белой бабочке был извлечен дочерью из семейного архива и занял подобающее место рядом с многочисленными фотографиями Лидии Николаевны, прожившей долгую, хотя отнюдь не счастливую жизнь. Так в дом вернулся отец, чтобы уже никогда не уходить.

Что запомнила пятилетняя девочка об отце? Он сердился, когда за столом она ничего не ела, и для аппетита давал ей капельку вина. И тогда уже сердилась мама. Видимо, по отцовскому настоянию у нее имелась бонна по имени Полина, из русских немцев, поэтому немецкий язык маленькая Изольда знала.

Что может помнить ребенок о той ночи, когда в последний раз видел отца? Родители поздно вернулись после спектакля. Изольда тогда болела корью, и дома го-

«Ревизор». Хлестаков — А. Солодилин,
Марья Антоновна — И. Лидарская

рела красная лампочка. В эту ночь к ним явились чужие люди, перерыли чемоданы... Мама сидела на кровати... Отец накинул пальто прямо на пижаму... (В это место воспоминаний потом вмешалась соседка, уточнившая, что на Александре Генриховиче был костюм. Но мне кажется, что эмоциональная память девочки точнее запечатлела происходящее, как что-то ужасно неправильное.) Он подошел одетый, в шляпе, к Изольде, поцеловал. Она спросила: «Ты куда, папа?» Он ответил: «Я скоро приду, доченька». А из сеней услышала дикий крик и не узнала мамин голос.

В доме на Зименской плакали все — мама, нянька. Потом вдруг разом нагрянули бабушка из Самары, мамин братья. Оказывается, они получили письма с просьбой забрать Изольду. То ли Лидия Николаевна опасалась за свою судьбу, то ли не хотела больше жить.

Первое время у нее еще брали передачи. А потом затвердили: «Без права переписки», «без права передач». Она ездила в Москву просить за мужа, а его уже не было в живых.

Лидия Николаевна часто брала дочь на спектакли, сажала «в оркестровку». Изольда помнит, как мама заливалась слезами, играя Софью в «Свадьбе в Малиновке». У нее была ария «Ноет, ноет сердце». Роль солдаты, у которой пропал на войне, а потом объявился муж, и мучила, и внушала надежду.

Жила надежда. Жила. Помнит Изольда Александровна, как обрадовалась мать: кто-то сказал ей, что на каком-то вокзале в каком-то вагоне видел Александра Керна. Это уж потом в чьих-то мемуарах дочь «врага народа» прочла, что существовали люди, в чьи странные обязанности входило видеть то, чего не было и не могло быть, и делиться «увиденным». Первое официальное извещение, хоть и лгало, но поставило на надежде крест: А.Г. Керн умер в 1946 году от воспаления легких.

Банальная истина: все мы родом из детства. Разве такое детство могло не отразиться на развитии человека, не войти в его судьбу, не оставить отпечаток на личности? Это могло произойти по-разному. Стать, например, нестерпимой обидой и вымещаться впоследствии на окружающих. Или из-за страха тоже оказаться жертвой навсегда увести в тень. Эти опасности миновали Изольду, хотя в школьные годы (дети, мы знаем, бывают порой жестоки) ей пришлось менять учебные заведения по причине немецкого происхождения и фамилии, которую, как ни уговаривали, мама не стала менять и которую Изольда носила до замужества. Фамилию оставила себе мамину.

Замуж она вышла за человека достойного, летчика, учившего впоследствии Гагарина. Но, что называется, выскочила на зло. Первая ее любовь, из тех, что до гроба, рухнула, потому что родители избранника категорически были против дочери репрессированного в качестве невестки. С остальными же окружением ей, пожалуй, повезло. Театральная среда даже в условиях диктатуры свободнее, чем номерной завод или казенное учреждение. По-

«Офицер флота». Ю. Иоффе и И. Лидарская

везло и с благородством происхождения. В пролетарские времена его носителей уничтожали не случайно: те имели крепкий фундамент нравственных принципов и несли угрозу инакомыслия.

Изольда Лидарская выросла чрезвычайно привлекательной особой, мужчины провожают таких долгим взглядом. Белокурая красавица с точеной фигурой. В ней смешались две крови: немецкая дала правильность черт, славянская одухотворила эти черты. Возраст обошелся с Изольдой Александровной бережно, на нее всегда приятно смотреть, хотя сама она об этом и слышать не желает.

Артистические гены в ней какое-то время спали. Правда, в войну вместе с мамой, участвовавшей в шефских концертах, ездила по госпиталям и иногда читала басни Крылова. Сей факт отмечен грамотой: ее вручили то ли Лидии Николаевне за воспитание дочки, то ли самой дочке. Дальше никакой самодеятельности, художественной или не очень, в ее жизни не было. Думается, что эрзац ее просто не привлекал. В театр вслед за матерью, что было бы естественно с ее внешностью и наследственностью, не пошла.

Творческая судьба Лидии Николаевны сложилась несправедливо. Она рано простилась со сценой и, не желая дочери подобной участи, заклинала: «Я тебя умоляю, только не в театр!» Думаю, сыграло роль и еще одно обстоятельство. Изольда была идеалисткой, в собственных способностях сомневалась, при этом считала, что все должно быть по гамбургскому счету. Этот максимализм она пронесла через всю жизнь.

Как девочка из хорошей семьи, Изольда обязана была получить высшее образование. Вот и поступила в педагогический институт, получила диплом, успела выйти замуж, появился сын Андрюша. Жила она в большом доме на Советской, где обитали артисты музыкального и драматического театров. Они дружно недоумевали, почему это дочка самой Лидии Николаевны с такими блестящими внешними данными не на сцене. Постепенно в Изольде возникло желание попробовать. Она так и сказала главному режиссеру: «Я хочу попробовать». Театр выбрала не музыкальный. По-моему, оперетта казалась ей, в ее 25 лет, несерьезным жанром. Пришла в драматический,

«Человек со стороны».
Чешков — А. Солодили,
Щеголева — И. Лидарская

где главным режиссером был тоже сосед по дому **Юрий Самойлович Иоффе**. Пришла, как она вспоминает, мышкой. «В масовочку, в эпизодики. Бесплатно работала. В рот смотрела артистам. Потихонечку-потихонечку: два рубля прибавили, три рубля прибавили... Тут студия открылась (филиал Школы-студии МХАТ сделал при Оренбургском драматическом театре два актерских выпуска. — Т.Т.), но не взяли, потому что у меня уже года были. Вольнослушателем притулилась. И поплыла так потихонечку. Очень медленно...»

Иоффе оценил приобретение. Изольда не пропускала ни одной репетиции. Она так самообразовывалась. Смотрела и знала все спектакли. Поэтому при случае легко заменила заболевшую актрису. Дали ей ставку, поначалу самую низшую. В обиде не была. Она ведь пришла в театр со словами: «Я

обеспечена. Муж офицер. Я не ради денег».

Профессиональное образование в Школе-студии Изольда Александровна все-таки получила. Как без этого? Она все делает основательно. Параллельно уже играла. Заслуженная артистка РСФСР Ирина Щеголева рассказывала: «Мне, как режиссеру и педагогу студии, нравилась пытливость Изольды, ее стремление добраться до «зерна» образа и как-то по-своему вырастить из него живой росточек».

ИЗ СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЫ

Восстановить актерские сценические создания невероятно трудно, такая эфемерная ткань актерское ремесло. (Даже сейчас, когда существует видеофиксация, она скорее дает информацию о сыгранном, но не ощущение полноценных и полнокровных спектакля и роли.) Однако попробо-

вать понять, из чего она, эта ткань, соткана, возможно. Прежде всего, из человеческого характера, соединенного с талантом и жизненным опытом. Это основа, а там еще много всяких ниточек сплетается. Прав был Окуджава: «И из собственной судьбы я выдергивал по нитке».

Первая большая роль случилась в дипломном спектакле по пьесе **Виктора Розова «В день свадьбы»**. Драматург раздвинул привычные рамки сюжетов, характеров дооттепельной советской драматургии. Вот и Лидарской повезло с ролью Майи-разлучницы. Как писали в одной рецензии, она играла интриганку, но интриганку очаровательную. «Не сразу и поймешь, — утверждал автор, — что такое Майя, чем страшна она в жизни и как чудовищно мало ей нужно от жизни».

Много ли нужно было самой Лидарской от жизни? Судя по тому, как робко она вошла в театр, она и потом не ломилась напролом в профессии, не требовала самых главных ролей. Врожденная интеллигентность всегда была при ней, этим светом озарены и многие ее героини. В давнем своем интервью, данным по поводу присвоения звания заслуженной артистки России, она признавалась: «Сейчас, если мне дают роль сорокапятилетней, я отнекиваюсь, стыдно. Меня уговаривают: «Но ты хорошо выглядишь со сцены». «Нет-нет, что скажут, не по возрасту». А ей было чуть за пятьдесят».

Но, конечно, она бы не была актрисой, если бы не хотела играть. Лидарская играла много. И в проходных постановках, и в значимых для афиши и времени спектаклях. Сошел со сцены театр Иоффе. Академический психологизм уступил место концептуальному, освобождающемуся от старых условностей (а заодно и от актерского главенства) режиссерскому театру. Изольда Лидарская в новом театре не потерялась. Она находила общий язык со всеми режиссерами, а на ее век (вернее, полвека с лишним, 55 лет она прослужила в театре) их пришлось немало. Да, главными и лучшими режиссерами она считает постановщиков старой школы **Юрия Самойловича Иоффе**, **Михаила Владимировича Нагли**, **Ирину Федо-**

«Доходное место» И. Лидарская в роли Вышневецкой

ровну Щеглову, что и понятно: они были ее первыми учителями в профессии. Но вот **Нальбий Тхакумашев**, возглавивший театр после Иоффе в начале 70-х, профессионал другой формации и человек иного темперамента, оценил Лидарскую-актрису. Она сыграла у него много нового и по-новому.

Производственная драма **Игнатия Дворецкого «Человек со стороны»** — одна из самых популярных пьес конца 60-начала 70-х: современный конфликт, современный язык. На открытом вглубь и виширь пространстве сцены не теряется фигура **Щеголевой-Лидарской**. Прямая, жесткая, деловитая под стать главному герою, так же лишенная сантиментов и сосредоточенная на работе. Здесь весьма помог ее немецкий рационализм, показав ее другой, непривыч-

ной. Признанная лирико-драматическая Лидарская действительно удивила: оказывается, она и интеллектуалка. После одного из спектаклей к ней в гримерку явилась с визитом сановная московская дама из Министерства культуры: «Очень многие ставят «Человека со стороны». Я видела много спектаклей. Могу выделить двух исполнительниц — Фрейндлих и вас. Обратите внимание на эту актрису», — повернулась она к сопровождавшему ее главному режиссеру.

Тхакумашев внимание уже обратил. В том же сезоне Изольда Лидарская сыграла еще одну замечательную, совершенно иного плана роль — **Вышневскую** в спектакле по **А.Н. Островскому «Доходное место»**. «Красивые такие платья мне сшили», — вспоминает Изольда Александровна. Это не только женское, но и актерское замечание: носить костюм, костюм исторический, нужно уметь. Лидарская училась этому во времена Иоффе, он почему-то очень любил ставить Лопе де Вегу. Памятные для нее роли при Тхакумашеве — в спектаклях по пьесам современным «**Долги наши**» и «**Святая святых**». Здесь она играла с любимыми партнерами — народными артистами России **Виктором Антоновым** и **Святославом Ежковым**.

Забавно, что при явном взаимопонимании с главным режиссером, она его, по собственному признанию, страшно боялась. Жили они рядом, и если она высказывала на троллейбусную остановку, а там стоял Тхакумашев, то она поспешно ретировалась назад, во двор. Это к чему? Да к тому, что расхожее мнение, что актрисы с режиссерами обычно на дружеской ноге, действительности не всегда соответствует.

Одну из самых лучших своих ролей Лидарская сыграла у следующего главного режиссера — **Александра Зыкова** в спектакле «**Ретро**» по пьесе **А. Галина**. История незатейливая, но трогательная. Отставная балерина **Роза Песочинская** — одна из претенденток в невесты старику, которого дочь и зять хотят пристроить в хорошие руки и освободиться от собственной ответственности. Как писали в одной из рецензий: «Роза Александровна в исполнении артистки

И. Лидарской нежна и романтична, хрупка и ранима. Она готова и сама поверить, что сидящий напротив деревенский старичок — настоящий граф, который давно мечтает сделать ей предложение. Как девочка, обижается она на невнимание “жениха”».

Образ, предназначенный, чтобы бить на жалость, вдруг укрупняется чувством собственного достоинства, которое не подвластно годам и которое актриса не демонстрирует напоказ, а постепенно приоткрывает. Жалость уступает место уважению и даже восхищению внутренней молодостью и человеческой стойкостью. Роль была Изольде Александровне не по возрасту, ей исполнилось сорок, а героине стукнуло семьдесят. И это уже талант помог ей понять и передать еще неведомое состояние увядающей красоты, одиночества, отсутствия будущего. Так Толстой сумел показать чувства дебютантки на балу Наташи Ростовской.

Через семнадцать лет, уже в театре **Рифката Исрафилова**, Изольда Лидарская сыграла родственную душу той, прежней героини из «Ретро», еще одно своеобразное человеческое ретро. Звать ее будут **Софья Ивановна** и жить ей придется в спектакле «**Пока она умирала**» по пьесе **Н. Птушкиной**. Эта героиня будет бережно сохранять свой дом и свои нравственные устои, укрывшись от разрушающей суеты внешнего мира среди книг и памяти. Замечательно написала об этой работе критик Евгения Павлова: «Чтобы так сыграть чувство собственного достоинства, его надо иметь. Нет, не то, воинственно наступающее на окружающих, а спокойное, заключенное глубоко внутри, и, тем не менее, освещающее каждый поступок, каждое слово и каждое движение».

Народный артист России Рифкат Исрафилов — последний режиссер в творческой биографии Изольды Лидарской, сложившейся от и до на сцене **Оренбургского драматического театра имени М. Горького**. Он тоже отдал должное состоявшейся опытной актрисе. «Некоторых он заставлял делать все по-своему, — выдает закулисные тайны Изольда Александровна, — а я что ни делала, он все принимал. Он хотел поставить для меня пьесу к моему юбилею —

«Пока она умирала». И. Лидарская в роли Софьи Ивановны

«Странная миссис Сэвидж». «Зачем?» — сказала я. — Она уже прошла по всему миру». Изольда Александровна отказалась от роли, как отказывалась от бенефисов и празднований юбилеев. Странная актриса, отказывающаяся от роли, эта Лидарская...

Прежде мне казалось, что режиссеры могли бы и побольше обращать внимания на актрису Лидарскую, использовать ее более многопланово, а у них имелись другие приоритеты. Теперь же понимаю, что Изольда Александровна тоже была не сахар. С ней приходилось нелегко и не только потому, что, как она сама признается, в работе была въедлива и дотошна, ей все нужно было выяснить (привет, немецкая кровь!), но и потому, что была горда. Эта черта характера не позволяет поступать по принципам, а у Изольды Лидарской они есть.

Задаюсь вопросом: имеется ли нечто общее во всех многочисленных и разнообразных героинях заслуженной артистки России Изольды Лидарской? Какая у нее тема в искусстве? Ведь у каждого настоящего актера она должна присутствовать, пусть и не явно. Есть, есть она и у Изольды Александровны. Не знаю только, можно ли назвать это темой. Так вот. Лидарская никогда не

играла безмятежно счастливых женщин, довольных собой и жизнью. Наверное, она сама как-то очень серьезно относится к понятию счастья, считая его скорее философским, чем житейским. Но так или иначе, а ее лучшие сценические создания всегда с судьбой. Как и она сама. А судьба — это не шелковый путь. В жизни Изольды Александровны было много утрат.

К очередной круглой дате из родного театра привезли поздравительный адрес с красивыми словами. «Этот юбилей — большое событие для всех, кто знает, любит и высоко ценит Вас как замечательную, неповторимую актрису... В каком амплу Вы бы ни выступали, Ваш талант и профессионализм всегда залог зрительского успеха... Ваш вклад в развитие театрального искусства Оренбуржья неоспорим», — Лидарская читает мне вслух и смеется.

— Изольда Александровна, разве это неправда?!

— Да вы что!

— Интересная вы, Изольда Александровна!

— Да. Я была интересная. (Театральная пауза.) И осталась.

Татьяна ТЕКУТЬЕВА